

Своеобразие дневниковой формы в романе Л. Андреева «Дневник Сатаны»

Сорокина Екатерина Алексеевна

Студентка Самарского государственного университета, Самара, Россия

Роман Л. Андреева представляет собой дневник, написанный вочеловечившимся Сатаной, который, соскучившись в аду, попадает на Землю, чтобы «лгать и играть». Но форма дневника, на мой взгляд, не является вполне удобной для романа. Дневниковая форма как таковая возникла для текстуализации единственной точки зрения – сознания пишущего. Другие точки зрения появляются в дневнике опосредованно: через восприятие пишущего, через его оценку и комментарий. То есть в романе, который претендует на полный охват действительности, эта форма должна преодолеваться, причем способы ее преодоления будут различны для разных романов.

Сама форма дневника в «Дневнике Сатаны» не совсем обычна. Формальные признаки ее вполне соблюдены – роман представляет собой отдельные записи, у каждой записи есть дата (это чуть ли не единственный критерий для исследователей, писавших о дневниковой форме). «Дневниковым» является и конфликт романа – событием здесь является не внешнее действие, а изменения внутреннего состояния героя.

Но эти дневниковые записи обладают двумя взаимосвязанными особенностями: 1) в них нет рефлексии по поводу предыдущих записей (Сатана не перечитывает свой дневник, не делает выводов по поводу изменения своего мировоззрения) и 2) в них огромная роль отводится читателю этих записок. В любых дневниковых записях имплицитно присутствует фигура Другого, но дневник Сатаны пишется, по сути, не для самого Сатаны, а для читателя. Отсюда – важный для романа концепт игры (дневник здесь – прежде всего постановка, то театральная, то балаганная, которая разыгрывается перед читателем-зрителем и которой он должен дать оценку).

Игра в записях становится явлением всеобъемлющим: Сатана использует различные речевые маски, профанирует собственные слова, прозвучавшие перед этим, помещает свои слова среди неотрефлексированных монологов других персонажей (протоколно воспроизведенных, но как будто не услышанных, непонятых самим Сатаной). То есть Сатана делает все, чтобы ускользнуть от работы над дневником – эту работу он оставляет своему читателю.

Без читателя, без воспринимающего субъекта весь «Дневник Сатаны» – хаотические, разностилевые записи, изобилующие повторами и соединенные наивным и предсказуемым сюжетом. Роль читателя в этом романе равна роли «Другого» в концепции Бахтина, его слово равно «чужому слову»: оно творит роман, превращает его в законченное произведение, обладающее целостностью. Так, роман «Дневник Сатаны» богат аллюзиями и реминисценциями: там легко прочитываются такие сюжетные схемы, как обман черта (сюжет карнавальных мистерий), путь Христа (Сатана постоянно сравнивает себя с Христом и своеобразно пародирует его миссию), борьба двойников (Магнус и Сатана, которые вступают в борьбу в романе, являются в художественной системе двойниками). Сквозными оказываются мотивы маски (в том числе и речевой), балагана, театра, игры, если говорить шире. Но все эти мотивы и схемы могут быть осознаны только читателем «Дневника» – Сатана никак не рефлексировала по этому поводу, не пытается найти смысл, закономерность в происходящих с ним событиях. Даже постоянные сравнения с Христом у него существуют только на уровне метафоры, не развертываются в полноценное рассуждение.

Только читателю оказывается доступно значение даты происходящих событий (действие романа происходит в 1914 году, и читателю легко догадаться, о каком скором «взрыве» говорит герой романа Магнус).

Благодаря особому положению фигуры читателя в рамках художественного целого романа становится возможным появление «чужого слова» в дневнике. Реплики

других персонажей фиксируются Сатаной почти протоколно, но при этом воспринимаются им как игровые – лишённые смысла, существующие только как «словесная дуэль». Он словно бы записывает их для читателя, который волен оценивать их по своему усмотрению. Благодаря такому безразличному воспроизведению «чужое слово» существует в романе самостоятельно, оно не опосредовано восприятием Сатаны. «Чужим словом», в полном смысле бахтинского термина, оно становится не для Сатаны, а для читателя – полнее раскрывает, завершает образ Сатаны. Кроме того, речи других персонажей выполняют функцию нивелировки фабулы романа – героями практически проговаривается дальнейшая судьба Сатаны. «Раскрытая» фабула переключает внимание на «внутреннее слово» Сатаны, которое и является главным «событием» дневника.

Таким образом, только читателем может быть воспринята фигура Сатаны во всей ее целостности и противоречивости: самому Сатане его дневниковые записи не помогают узнать правду о себе, приблизиться к пониманию себя. Для читателя же фигура Сатаны становится изображением человека как такового. Он, как и каждый человек, постоянно находится в борьбе с миром, в вечных попытках проникнуть за стену познания и понять непознаваемое. И читателям дневника понятно, что все эти попытки обречены на провал – сюжет строится по предзаданному канону, и победа над миром для Сатаны невозможна.

Дневниковая форма, выбранная Л. Андреевым для своего романа, помогает автору сделать повествование наиболее эмоциональным, зрелищным. Но за счет фигуры читателя эта форма трансформируется, избавляется от узкого взгляда на действительность. Именно за счет внешней точки зрения, обладающей вневходимостью, этот роман обладает законченной, целостной художественной формой.